

ВЫСТАВКА

Вера Янова

завершено
Экспозиция

живопись

рисунок

керамика

ЛИЦА и ЛИКИ

Аббревиатура Г.А.В. Траугот просится на щит: так, по вензелю, в средневековых походах узнавали именитых бойцов. Сравнение не надуманное: в том, как проявляет себя эта художническая семья в течение многих десятилетий, есть нечто рыцарственное. Трауготы верны высоким эталонам художественной культуры, верны любимым книгам, верны семейным традициям и кругу друзей. Современная арт-индустрия изобилует вызовами и соблазнами как материального, так и массмедийного плана. Трауготы не изменяют своему кропотливому, штучному, не сулящему головокружительных признаний и гонораров делу — книжной иллюстрации прежде всего. Действительно, здесь речь идет не о профессии. Скорее, о служении.

Первый инициал в аббревиатуре, Г., — отсылает к Георгию Николаевичу Трауготу (1903–1961), старшему члену художнической семьи. Он окончил в 1926 г. ВХУТЕИИ, составу его профессоров можно только позавидовать: К.Петров-Водкин, А.Рылов, А.Савинов, А.Карёв. У всех почерпнул свое, необходимое. Наверное, больше всего — у Петрова-Водкина. Учитель обладал редчайшим даром методолога-практика: его «объективный метод» как совокупность установок теоретического толка последовательно укоренен в материальном плане. Быть его учеником значило пройти определенный профессиональный ценз: «я не плодил дилетантов», — свидетельствовал художник. Не без влияния учителя у самого Траугота открылся преподавательский и методологический дар: он вел занятия в Ленинградском художественном училище и, что важнее, много позже, после войны, стал вдумчивым наставником своих сыновей. Г. Траугот был деятельным членом общества «Круг художников», принадлежал к той части экспонентов-круговцев, которая тяготела к французской постимпрессионистической живописной культуре... Во время войны он вместе с А.Русаковым, В.Пакулиным, Я.Николаевым, В.Суковым и др. был создателем такого уникального живописного феномена, как блокадный пейзаж. Этот тип пейзажа, традиционно для круговцев, сочетал установку на непосредственность, свежесть восприятия с вниманием к пластической стороне живописи. Но война привнесла совершенно новые моменты переживания пейзажа: какую-то предельно обостренную витальность.

Созданные в тяжелейших условиях — в пограничной, как говорят философы, ситуации, блокадные ленинградские пейзажи Траугота удивляют своей экзистенциальной силой: с пронзительной ясностью звучит тема, как вспоминал художник, «включения в единство жизненного потока».

Свою будущую жену Веру Павловну Янову (1907–2004) Г. Траугот встретил еще в свои студенческие годы. Янова принадлежала к большой интеллигентской русской семье с разносторонними культурными интересами, в 1915 г. переехавшей из Варшавской губернии в Петроград. Ее братья Николай (1903–1982) и Константин (1905–1996) Яновы также имели непосредственное отношение к миру искусства: старший брат Николай был фотокорреспондентом и занимался скульптурой, младший Константин — художником-мистиком, открытым зрительской аудитории уже в XXI веке. Вера Янова получила образование в Александровской женской гимназии, позже училась в Институте гражданских инженеров на архитектурном факультете. Владела, как водится, французским языком, любила и знала литературу. Жизнь молодой семьи была нелегкой, непролетарское происхождение тяготело над ними, влияло на трудоустройство. Тем не менее, видимо, в семье витал дух частной, неогосударственной жизни, крайне редкий в условиях «общества контроля»: свободное общение, равнодушие к служебным иерархиям, ценности приватного бытия — все это обладало особой привлекательностью. Старое понятие «люди своего круга» конкретизировалось в общении с художниками, литераторами, музыкантами В. Лебедевым, Д. Хармсом, В. Пакулиным, А. Русаковым, А. Ведерниковым, Н. Суетиным, А. Лепорской, В. Стерлиговым, Т. Глебовой, П. Кондратьевым, Я. Друскиным. Интересно, что в совсем другой (но не менее тревожной) ситуации конца 1940-х эти же ценности стали привлекать новое поколение: в семью зачастили соученики младших Трауготов по СХШ: М. Войцеховский, А. Арефьев, Р. Васми, В. Шагин и др., составившие «Орден непродávющихся (нищенствующих) живописцев». Уже тогда конфликтные, поставленные на контроль властями молодые художники впоследствии станут радикальным движением ленинградского андеграунда (группа арефьевцев). Что ж, семья обладала особой притягательностью для независимых людей, сегодня социологи называют подобные образования «сообществами своих».

Янова серьезно занималась живописью, охотно показывала свои работы ближнему кругу, но публично не выставлялась. (Нечто подобное происходило с семьей А. Русаковых — Т. Купервассер: жена взяла на себя дом, оставив творчество как профессию мужу. То, что она была выдающимся художником, широкому зрителю открылось много позже) Правда, нужно учитывать, что живопись

Яновой и не могла быть выставлена. Как, впрочем, и живопись Г. Траугота. Все это было явно не ко двору в Ленинграде конца 1940-х, ставшем полигоном непрерывных идеологических чисток. Траугот, не дожидаясь реакции официоза, перестал выставлять живопись и акварель, занявшись прикладным и оформительским искусством (что, кстати, сделали тогда многие бывшие петрововодкинцы и филоновцы). А в 1956-м оформил свою первую книжку — «686 забавных превращений».

На выставке Г. Траугот представлен главным образом пейзажными акварелями — нежными, легкими, «температурными». На современном языке описания их можно определить как медальные: материал растворяется, смывается и промывается водой, натурные состояния художник выбирает атмосферные, проникнутые водной взвесью. В результате влажность становится медиумом. Есть еще один момент. В акварелях Траугота важно касание, от точной фиксации предметностей до свободного арабеска. Это не имеет отношения к «сделанности», то есть степени законченности. Акварель как «вещь», как продукт изобразительности, отчуждаемый от художника, — это не трауготовский подход. Ему важно присутствие, выраженное в касании, в тактильной коммуникации. Ощущение присутствия передается зрителю.

Работы Яновой поражают экспрессивной мощью — ход кисти динамизирует образ. В генезисе живописи Яновой — парадоксальное увлечение иконой и «французами», Матиссом прежде всего. (Впрочем, почему парадоксальное — сам Матисс русскую икону весьма ценил) Притом внутреннее напряжение вещам Яновой придает не только способ материализации, так сказать, «жестовая сила» (Ю. Тынянов). В ее работах всегда есть контраст между ликом и его внутренним состоянием. Лик присутствует и в вещах с религиозной подоплекой, и в произведениях «семейных» — фигурах в интерьере. В обоих случаях лик подразумевает умиротворение, отторжение от «злости дня»: спиритуальная жизнь отделяет себя от мирской, домашняя — дистанцируется от общественных, массовых настроений. У Яновой всегда архетип лика «взрывается» какими-то внутренними энергиями. Причем изнутри, а не благодаря экспансии извне. Есть у художника и другой, «обратный» образный прием. Лик безмятежно условен, как бы «промыт», зато среда бушует почти тактильно осязаемыми мощными цветовыми арабесками.

Валерий и Александр Трауготы учились в СХШ, затем Валерий увлекся скульптурой (проходил курс в Суриковском в Москве, затем перевелся в Ленинградское высшее художественно-промышленное училище им. В. И. Мухиной). Главным учителем, конечно, был отец, Георгий Николаевич. Он, как в свое время

профессор Петров-Водкин, «не плодил дилетантов»: молодые художники учились, погружаясь в арт-практику (старший Траугот в цеховом плане был универсален). Семья давала и то, что официальные учебные институции предоставить не могли: навигацию в запретной культуре модернизма. Так и получилось — у молодых Трауготов не было ограничений в плане профессионального ценза: оформительство, тиражная пластика, книга, постепенно завоевавшая первое место в творческих интересах, — все было по силам. Отец был рядом во всех начинаниях, получился уникальный творческий симбиоз. Первые оформленные книжки Трауготы стали подписывать уже при жизни Георгия Николаевича тремя инициалами, в последовательности «по старшинству» — Г.А.В. После ухода отца, а затем, много лет спустя, Валерия традицию продолжает Александр.

У Александра и Валерия, конечно, в искусстве не было абсолютной слитности интересов и занятий, как у Кастора и Поллукса. У каждого определились свои интересы, а затем братья были разделены и географически: Александр надолго обосновался в Париже. Валерий вначале тяготел к скульптуре и смолоду проявил себя как тонкий и наблюдательный анималист. Мир образов Александра, как мне представляется, был более опосредован литературными и театральными кодами. Они дополняли друг друга. Более 300 изданий, проиллюстрированных Г.А.В., безусловно, обладают узнаваемым стилем. Как бы я определил основания трауготовской визуальности? Думаю, правильным термином может служить понятие «фантасмагоричность». Переплетения реального и миражного, осязаемого и ускользающего — вот основы иллюстрационного стиля Г.А.В. Этому автору не интересна миметичность как таковая. И условность как таковая — тоже. Ему (им) близки интерференции, взаимопроникновения, ускользания: на этом строится графическая плоть иллюстрации. Конечно, эта поэтика зиждется на «правильном» отборе литературных источников (Перро, Андерсен, Гауф, братья Гримм), для которых нет предела метафоричности и вместе с тем прямой, непосредственной наблюдаемости. Впрочем, Трауготы умеют увидеть ирреальное начало даже в прозаических интонациях чеховских пьес.

Разумеется, Трауготы не могли пройти мимо булгаковского романа. В «Мастере и Маргарите» они находят благодатный материал: античная маннипея, средневековая мистерия, сатанинское, фантастическое, модернистское. Плотность романной фактуры требует подобной насыщенности и от изобразительного ряда. Графические листы плотно, «под завязку», заполнены изображениями. Конечно, зрителю интересно, как визуализирует художник хорошо знакомые персонажи. Но не менее — как они присутствуют

в сознании повествователя, как умудряются вести свою линию, «не наступая друг другу на ноги». Наконец, как показывает художник их «литературность», то есть принадлежность не к прямой реальности, а к определенным культурным кодам? Думаю, главный прием — диалектика объективизированного, узнаваемого, и ускользающего, миражного. На изобразительном поле идут постоянные процессы копошения (термин из истории фламандской живописи), миграции и возвращения. Это дополняется взаимодействием телесного (эротичного) и условного, бесплотного. Наконец, кодированность изображения дана в композиционных приемах повтора, зеркальности, «сквозного мотива».

Зрителю будет интересно при всей важности мифологии единого авторства проследить индивидуальные интенции членов триумvirата. Пожалуй, впервые он может быть рассмотрен столь «отдельно». И вот что мне видится: в работах Александра нарастает биографичность. Ему все важнее дать понять зрителю, кто конкретно изображен за столом, кто позирует, кто стоит рядом. Тренд автобиографизма актуален в современном искусстве, но, думаю, дело не в нем: здесь диктует личная семейная история. Кстати сказать, и изобразительность здесь основательнее, подробнее. Не то — в фарфоре. Роспись репрезентирует некую суммарную театральность, то, что А. Бенуа называл «театральным гением». Здесь все как положено: условность мизансцен, эротичность закулисья, какие-то inferнальные полеты и исчезновения. Александр (вещи подписаны, естественно, Г.А.В.) демонстрирует полную, как говорит молодежь, «отвязанность» не только от традиционного фарфорового письма, но часто — и от формы. Роспись то «мнет» овал тарелки, то «раскручивает» естественное круговое движение вазы до опасных скоростей, то элегантно ложится на объем. В этой непредсказуемости — своя интрига.

Удачным добавлением выставки стала симпатичная керамическая скульптура Элизабет де Треал де Кинси-Трауготт. В ней есть определенная переключка с театральным началом Трауготов. Только у этой театральности другой темп — природный, натурфилософский, и своя медиальность: какие-то естественные органические образования, дремлющие на скалах Бретани, под влиянием природных процессов отделяются от естественной среды. Обретают свои формы и цвет и выступают на сцену.

Алла Борисова

Семья Траугот была и остается культурным явлением, которое объединяет Санкт-Петербург и Париж на протяжении долгих лет. Широкой публике фамилия Траугот знакома по иллюстрациям к произведениям Х. К. Андерсена, Ш. Перро, В. Гауфа, братьев Гримм и многим другим детским книжкам. Г.А.В. — подпись трех художников из одной семьи — Георгия Траугота и его сыновей Александра и Валерия. Георгий с сыновьями не просто одна семья, это творческий союз. Художники стали заниматься книжной графикой с 1956 года. В свет вышло более 300 изданий с иллюстрациями Г.А.В. Траугот.

Все члены этой семьи были художественно одарены — мать Александра и Валерия Вера Янова была известной петербургской (ленинградской) художницей, близкой к «Кругу художников». Ее братья Николай (1903–1982) и Константин (1905–1996) Яновы также имели непосредственное отношение к миру искусства: старший брат Николай был известным фотокорреспондентом, а младший брат Константин — художником, получившим широкую известность уже в нынешнем столетии. Жена Александра Элизабет де Треал де Кинси-

Трауготт обучалась живописи и графике, много лет занималась реставрацией в лучших музеях Парижа.

Георгий Николаевич Траугот родился 16 февраля 1903 года в Санкт-Петербурге. Окончил в 1926 году Академию художеств, обучался у К. П. Петрова-Водкина, А. А. Рылова, А. И. Савинова, А. Е. Карёва. Участвовал в выставках «Круга художников». С 1923 года преподавал в Ленинградском художественном училище. В годы обучения в академии встретил свою будущую жену художницу Веру Павловну Янову, в 1929 году они поженились. В 1932 году Георгий вошел в число членов Союза художников. В довоенные годы много писал и участвовал в коллективных выставках. С началом Великой Отечественной войны был прикомандирован к войскам ВВС, а в 1943 году отправился на фронт. Был награжден медалью «За оборону Ленинграда». Во время войны продолжал писать и делать рисунки, отдавая предпочтение городскому пейзажу и жанровым композициям. Работы Георгия Николаевича этого времени отличает монохромная палитра, трагичное настроение. Но художник намеренно избегал ужасающих сцен. Тема страдания и смерти в его работах звучит иными словами. Несмотря на тяжелейшую обстановку, царившую в блокадном Ленинграде, в акварелях и рисунках Георгия Траугота отражена его подлинная красота и мифичность. После войны художник занимался промграфикой, работал над оформлением экспозиции Музея истории Ленинграда, создал монументальную роспись в Этнографическом музее, путе-

шествовал и продолжал активную творческую деятельность. С 1956 года начал работу в книжной графике. В 1957 году в Доме писателя им. В. Маяковского состоялась первая персональная выставка Георгия Николаевича. Художник ушел из жизни 28 сентября 1961 года.

Вера Павловна Янова — петербургская художница, жена Георгия Николаевича и мать Александра и Валерия Трауготов. Родилась 21 сентября 1907 года в городе Влоцлавек (Варшавская губерния). В 1915 году с семьей вернулась в Петроград. Получила начальное образование в Александровской гимназии, позже училась в Институте гражданских инженеров на архитектурном факультете. Хорошо знала литературу и владела французским языком. Вместе со своим мужем Георгием Трауготом всю жизнь была близка к «Кругу художников», с членами которого они поддерживали тесную связь. Круговцы В. В. Пакулин, А. И. Русаков, А. С. Ведерников, Г. М. Неменова, а также В. В. Стерлигов, А. В. Щекатихина-Потоцкая были творческими товарищами и близкими друзьями семьи Траугот. После окончания института Вера Янова серьезно занялась живописью, но свои работы публично не выставляла. Во время блокады Ленинграда она возглавляла отряд самообороны. Так же, как и Георгий Николаевич, продолжала занятия живописью и графикой. Художественный язык Веры Яновой тяготеет к монументальным формам и ярким, выразительным образам. Предельно эмоциональная живопись в военный период звучит особенно трагично — мрачные краски и жесткие линии всецело выражают боль и страдание тех лет. После войны жизнь постепенно налаживается, в доме на Петроградской стороне снова собираются художники и проводятся камерные выставки, снова звучат дружеские разговоры и споры об искусстве. В своем творчестве Вера Янова обращается ко многим жанрам — портрету, натюрморту, пейзажу, религиозной живописи. Ее произведения отличаются обобщением объема и рисунка, насыщенный, «громкий» колорит, где само сочетание цветов несет в себе эмоциональную нагрузку. В картинах Веры Яновой декоративность тонко сочетается с психологизмом. Все работы художницы были созданы в мастерской на основе натуральных зарисовок и впечатлений. Этот прием передался и сыновьям: отсюда причудливое переплетение воспоминаний, героев, сюжетов, которыми насыщены работы Валерия и Александра. Вера Янова прожила долгую жизнь, полную и трудностей, и счастливых моментов. Она умерла 13 сентября 2004 года.

Словно буквы в аббревиатуре Г.А.В., Георгий, Александр и Валерий не мыслятся друг без друга. Братья Александр и Валерий родились в Ленинграде, Александр — в 1931 году, Валерий — в 1936-м. Согласно воспоминаниям Александра, рисовать они начали рано — «уже с пяти лет мы стали художниками»¹. Отец, Георгий Нико-

¹ Цит. по: Художники детской книги о себе и своем искусстве: статьи, рассказы, заметки, выступления / сост., вступ. статья и примеч. В. Глоцера. — М.: Книга, 1987. — 320 с., ил., стр. 241–250.

лаевич, стал первым и главным учителем в жизни Александра и Валерия. Мальчики с первых лет рисовали вместе: нередко один продолжал рисунок другого. Георгий Николаевич не был против такого соавторства и поощрял стремление братьев работать вместе. «Нас всегда было больше, чем двое»², — любит говорить Александр об их творческом союзе. В начале Великой Отечественной войны Валерий был эвакуирован в Тюменскую область, Александр провел все военные годы в родительском доме на Большой Пушкинской. Подобно родителям, во время войны они не оставляли художественных занятий.

Оба, Александр и Валерий, учились в СХШ (Средняя художественная школа при Академии художеств). В эти годы сблизились с Михаилом Войцеховским, Александром Арефьевым, Рихардом Васми и другими деятелями искусства. В 1950-е годы братья начали заниматься скульптурой, пробовали свои силы в области фарфора и керамики.

Валерий в 1955 году продолжил обучение в московском Суриковском институте (факультет скульптуры), а через два года перевелся в Ленинградское высшее художественно-промышленное училище им. В. И. Мухиной (монументальное отделение). Начал участвовать в коллективных выставках с 1955 года, первая персональная выставка состоялась в 1959 году. В это время Александр и Валерий продолжают занятия рисунком и живописью. Главным

² Цит. по: Художники детской книги о себе и своем искусстве: статьи, рассказы, заметки, выступления / сост., вступ. статья и примеч. В. Глоцера. — М.: Книга, 1987. — 320 с., ил., стр. 241–250.

источником вдохновения Александра становятся впечатления. Зарисовки бытовых ситуаций, людей, улиц в мастерской формируются в станковые произведения, а позднее эти натурные впечатления входят и в мир книжной графики. Валерия увлекает анималистика. Он ежедневно рисует с натуры, ходит в зоопарк, делает на эту тему доклады. Его художественный язык в изображении животных близок к классическому реализму, однако никогда не снижается до натуралистического воспроизведения действительности. Как и у Александра и их родителей, в работах Валерия всегда звучит жизнь, всегда есть место эмоциям и впечатлениям. Во всех его работах присутствуют свобода, легкость, искренность.

С конца 1950-х художники все больше входят в мир книжной графики, формируя свой узнаваемый почерк. В свет выходят первые издания Шарля Перро и Ханса Кристиана Андерсена с иллюстрациями Г.А.В. Траугот. Деятельность художников не ограничивается детской литературой, рисунки Георгия, Александра и Валерия появляются на страницах чеховских пьес, в «Маленьких трагедиях» А. С. Пушкина, в сборниках поэтических произведений А. А. Блока и О. Ф. Берггольц и во многих других изданиях. Иллюстрации семьи Траугот литературны, но они никогда не спорят с самим произведением. Приступая к иллюстрированию, художники стремились понять автора, стать его другом, соавтором. Георгий, Александр и Валерий всегда работали сообща, будь то книжная графика или станковая живопись. Все трое ощущали себя единым творческим коллективом, где общность заключается не в совместной работе над одним рисунком, а в понимании друг друга, в следовании единым целям и нравственным ориентирам. Валерий ушел из жизни 5 октября 2009 года. Однако для Александра присутствие отца и брата в его жизни и в искусстве безусловно. Сохранение подписи Г.А.В. Траугот — больше, чем дань памяти.

Элизабет де Треал де Кинси-Трауготт родилась во Франции. Первое знакомство с Россией состоялось во время школьной поездки в Ленинград, когда ей было 15 лет. Очарование нашей родной в юном возрасте побудило Элизабет вернуться — после окончания Сорбонны она преподавала в Ярославле. В это же время, посетив Ленинград, познакомилась с Александром Георгиевичем и его семьей. Вся жизнь Элизабет связана с искусством: она обучалась японской технике рисования тушью в Токио, изучала живопись в Праге, 30 лет трудилась над реставрацией рисунков Шарля Лебрена в Лувре, участвовала в восстановлении шпалер на бумаге XVIII века для Музея декоративных искусств в Париже. Вместе с тем занималась живописью и керамикой. В творчестве Элизабет стремится выразить свои чувства и впечатления. Особый трепет у нее вызывают воспоминания о детстве, проведенном в Бретани:

маленький остров, населенный рыбаками, скалы, дюны, волны и ветер... Природные мотивы северной Франции и образ жизни ее обитателей воплотились в экспрессивных линиях и переливчатых красках керамических ваз Элизабет.

На сегодняшний день Александр и Элизабет живут между Петербургом и Парижем и никогда не прекращают работать. Александр продолжает иллюстрировать книги, занимается живописью, рисует. Элизабет во многом помогает своему мужу, участвует в творческом процессе и выступает куратором некоторых выставочных проектов Александра.

Искусство семьи Траугот — это синтез. Наслаивание жанров, сюжетов, времени и пространства. В работах этих художников натура переплетается с впечатлениями, литературные герои — с лицами друзей и знакомых, а Санкт-Петербург и Париж сливаются в один-единственный город. Одни и те же мотивы перетекают с одной работы на другую, приобретая каждый раз новое звучание. Герои сказок улыбаются нам с фарфоровых блюд, а знакомые лица оказываются персонажами нового иллюстративного цикла. В искусстве семьи Траугот всегда пульсирует жизнь.

Список использованной литературы:

1. Русский музей представляет: Семья Траугот / Альманах. Вып. 350. СПб: Palace Editions, 2012. — 216 стр.
2. Художники детской книги о себе и своем искусстве: статьи, рассказы, заметки, выступления / сост., вступ. статья и примеч. В. Глоцера. — М.: Книга, 1987. — 320 с., ил., стр. 241–250.